

**Институт научной информации
по общественным наукам**

**Центр научно-информационных исследований
глобальных и региональных проблем**

СРОЧНАЯ ИНФОРМАЦИЯ

**РЕФЕРАТИВНЫЙ ОБЗОР МОНОГРАФИИ
«РОССИЯ КАК ВЫЗОВ ДЛЯ ГЕРМАНИИ»**

(“GERMANY’S RUSSIA CHALLENGE”)

Москва, 2018

**ДЖ. ЛАФ: РОССИЯ КАК ВЫЗОВ ДЛЯ ГЕРМАНИИ
(ОБЗОР)**

© ТРУНОВ Ф. О., 2018.

Аннотация. В обзоре изучается монография исследователя из Chatham House Дж. Лафа, посвящённая политике Германии в отношении России. В ней выделены основные этапы взаимодействия двух стран с начала 1990-х годов. Западный учёный изучает ключевые линии размежевания между ФРГ и РФ на современном этапе, показывает внутреннюю детерминированность курса Германии на данном направлении. В заключении Дж. Лафом обрисован сценарий перспективной политики официального Берлина в отношении России с учётом современных реалий.

Ключевые слова: Германия, Россия, НАТО, ЕС, безопасность, Меркель, Шрёдер.

J. LOUGH: GERMANY'S RUSSIA CHALLENGE (REVIEW)

© TRUNOV PHILIPP, 2018.

Abstract. The review explores the monograph created by Chatham House researcher John Lough. The book is devoted to German politics towards Russia. J. Lough highlights key periods in the bilateral cooperation since the beginning of the 1990s. Western researcher investigates the key lines of the disengagement between Germany and Russia during the modern period and shows the internal determination of German course at this direction. In the conclusion J. Lough gives the scenario of the perspective German policy towards Russia taking into account modern realities.

Keywords: Germany, Russia, NATO, EU, security, Merkel, Schroeder.

*«Россию и Америку разделяют океаны,
Россию и Германию разделяет великая история».*

М. Штюмер¹

В феврале 2018 г. свет увидел труд известного аналитика из Chatham House Дж. Лафа, посвященный ретроспективному (с начала 1990-х гг.), современному и перспективному состоянию политики Германии в отношении России.

Современное состояние отношений ФРГ и РФ: явные и латентные проблемы

В условиях, когда диалог США и РФ оказался частично свёрнутым, отношения по линии Россия – НАТО оказались «замороженными», а ключевой составляющей политики ЕС в отношении Кремля стало обращение к санкциям и их расширение, Евро-Атлантическому сообществу требуется срочно осмыслить те процессы, которые происходят сегодня в России, и их влияние на интересы Запада [Lough, 2018, p. 1]. Соответственно, это должно помочь определить, в каком масштабе и какие инструменты должны быть использованы Евро-Атлантическим сообществом при выстраивании им отношений с РФ. Очевидно, как считал автор исследования, что возвращение к модели европейской безопасности, сложившейся в 1990-е гг., невозможно. Вместо этого коллективный Запад вынужден изыскивать пути ограничения попыток РФ оказывать активное влияние на события за пределами своих границ и трансформировать сложившийся мирополитический порядок с учётом своих интересов.

Дж. Лаф отмечал, что ни одна страна в Европе не ощущала столь остро эффекта от глубоких расхождений Запада и РФ, как ФРГ [Lough, 2018, p. 1]. Вместе с тем, несмотря на колоссальный исторический опыт взаимоотношений с Россией, Германия не обладает достаточным весом для принятия на се-

¹Данная цитата стала иллюстрацией речи В.В. Путина перед Бундестагом 25 сентября 2001 г. [Выступление..., 2001]. – *Прим. авт.*

бя роли инициатора новой политической повестки в отношениях с Кремлем в современных реалиях. Тесные двусторонние экономические контакты, по мнению Дж. Лафа, сковывают способность ФРГ непредвзято оценивать и реагировать на якобы представляющие угрозу для Запада действия РФ.

Очевидно, что степень реакции Запада на присоединение Крыма к России и попытки «переформатировать Украину посредством поддержки конфликта на Донбассе» [Lough, 2018, p. 2] в 2014-2015 гг. была несоизмеримо более жёсткой, чем после «августовской войны» (2008), когда континентальные державы ЕС «сигнализировали» о своём стремлении вернуться к традиционным схемам партнёрства (англ. *business as usual*). «Августовская война» (2008) казалась ФРГ – и она была не одинока в своём мнении среди стран-участниц ЕС – исключением из общей линии постепенного сближения РФ и Запада; причём значительную часть ответственности за это в Берлине были, согласно Дж. Лафу, готовы возложить на тогдашнего президента Грузии М. Саакашвили. В случае с Украиной ФРГ заняла качественно иную позицию: несмотря на «позднее пробуждение» в отношении РФ, Германия последовательно стала проводить избранный курс на урегулирование вооружённого конфликта в Донбассе и сохранение суверенитета и территориальной целостности Украины [Lough, 2018, p. 36].

Однако всё же и на современном этапе, с точки зрения Дж. Лафа, у Германии наблюдается стремление (в основном латентное) скорее нормализовать отношения с РФ, и потому западным партнёрам ФРГ не следует преувеличивать её готовность оказывать на неё скоординированное давление [Lough, 2018, p. 2]. Так, Германия противиться попыткам вмешаться в процесс подготовки строительства «Северного потока-2», несмотря на то, что этот проект несет значительные потери для Украины. Добрая воля ФРГ, по мнению Дж. Лафа, выражается и в том, что германские власти оказывают большее давление на Украину, чем на РФ в деле выполнения «Минска-2» [Lough, 2018, p. 3]. При этом наблюдается сближение позиций МИД ФРГ и Ведомства федерального канцлера – второе ведомство традиционно при-

держивалось по отношению к России более «ястребиного» подхода, чем первое: их усилия будут сонаправлены на поиск точек соприкосновения с РФ [Lough, 2018, p. 8]. Прежде всего, это обусловлено, по мнению аналитика, тем, что ФРГ не осознает степени готовности России ослабить НАТО и ЕС, которые являются столпами систем европейской и глобальной безопасности, в рамках которой Германия стремится закрепить за собой роль крупнейшего экспортера (преимущественно высокотехнологичной продукции) [Lough, 2018, p. 5].

На протяжении всей работы Дж. Лаф подчеркивает, что в реалиях второй половины 2010-х гг. Германия, во многом вынужденно, вновь приняла на себя бремя огромной ответственности за происходящее в сферах европейской и в целом международной безопасности. Принятие Германией лидирующей роли (от Запада) в «Нормандском формате» (возник в июне 2014 г.) и принятии договорённостей «Минск-2» (12 февраля 2015 г.) стали демонстрацией качественных новых изменений во внешней политике официального Берлина. Последний, как указывал Дж. Лаф, стал готов нести ответственность за систему европейской безопасности в отсутствие активного участия в этом США. В то время как Белый Дом сигнализировал о своём стремлении ограничить участие собственно в урегулировании вооружённого конфликта в Украине, ЕС демонстрировал готовность принять на себя основную роль, что резко контрастировало со слабостью объединения как внешнеполитического игрока в период распада Югославии 1990-е гг. [Lough, 2018, p. 2]. Выстраивание консолидированной позиции государств-членов ЕС при ведущем участии ФРГ в отношении РФ оказалось выигрышным, с точки зрения Дж. Лафа, по двум причинам. Одна из них – это возможность для Германии преодолеть свои опасения в вопросе принятия на себя руководящей роли в деле обеспечения европейской безопасности. Другая – это влияние, которое оказало на РФ дотоле невиданная во внешней политике консолидация стран-участниц ЕС вкупе с параллельным давлением на Россию по линии Североатлантического альянса. Именно это, по мнению Дж. Лафа, парализовало активность

Кремля и не позволило начаться неконтролируемой эскалации напряжённости с непредсказуемыми последствиями [Lough, 2018, p. 2].

Принятие Германией функций лидера определялось во многом стремлением ФРГ сохранить ту модель миропорядка, которая возникла после окончания «холодной войны», обеспечив объединение страны и её динамичное развитие. Вместе с тем, как неоднократно подчеркивал Дж. Лаф, у Германии пока наблюдается недостаток стратегической культуры: успешное урегулирование кризиса в зоне евро (2008-2009) и недопущение эскалации напряжённости в отношениях с РФ в 2014-2015 гг. являются скорее исключением из правила недостаточной подготовленности ФРГ к лидерству [Lough, 2018, p. 8].

На этом фоне действия официального Берлина, как уже отмечалось Дж. Лафом, не должны были привести к отказу от желания официального Берлина всё же нормализовать в перспективе отношения с РФ. При этом, нельзя не отметить, что рост проблем как на страновом уровне (возникновение полугодового кризиса в вопросе формирования кабинета после выборов в Бундестаг в сентябре 2017 г., разрешившегося созданием кабинета «большой коалиции»), так и на региональном (Брекзит, проблемы противодействия внешним вызовам, отношения с Турцией и США) существенно сокращают те возможности, которые есть у властей ФРГ для развития диалога с РФ [Lough, 2018, p. 3].

В ходе и по прошествии украинских событий в Германии и ЕС активно (и весьма эмоционально) дискутировались действия России в 2014 г., однако в тени оставался другой, более важный по мнению Дж. Лафа, вопрос: об общем содержании и перспективах отношений РФ со странами-участницами и институтом ЕС. Так, выступая по итогам переговоров об определении будущей внешней политики объединения в декабре 2017 г., тогдашний глава МИД З. Габриель охарактеризовал Россию как игрока, действующего на периферии Европы, оставленной без внимания США. На этом фоне Кремль стремился к пересмотру глобального миропорядка и демонстрировал при

этом амбиции региональной державы² [Lough, 2018, p. 4]. В этой связи Дж. Лаф указывал, что Россия исторически стремилась расширить свою зону влияния в периоды подъёма (и, соответственно, отступала в периоды спада). При этом современный этап роста мощи РФ характеризуется стремлением усилить влияние *внутри* коллективного Запада, а не только в традиционной сфере влияния, географическую конкретизацию которой Дж. Лаф, к сожалению, не даёт. Эти действия, по его мнению, обусловлен представлением о том, что Запад ослабевает (на фоне роста держав Азии) в условиях эрозии лидерства США и перманентного кризисного состояния ЕС. Соответственно, это ставит Евро-Атлантическое сообщество в оборонительную позицию. Проводя основанную на этом представлении наступательную политику с использованием широкого внешнеполитического инструментария (от дезинформации до постановки территориальных вопросов), Кремль стремится нивелировать свои слабые стороны (в первую очередь, трудности экономического развития), но при этом идёт по пути огромного риска [Lough, 2018, p. 5]. Дж. Лаф высказывает предположение, что для российского истеблишмента по внутривнутриполитическим причинам выгоднее сползание к конфронтации с Западом, чем поддержание статус-кво; при этом власти РФ извлекли уроки из неспособности руководства СССР остановить его стремительный распад [Lough, 2018, p. 5].

Отсутствие объёмного осознания в ФРГ роли России в современном мире, с точки зрения Дж. Лафа, обусловлено рядом структурных и стратегических проблем внешней политики Германии. *Первая* из них – это, как уже отмечалось, недостаточная развитость стратегической культуры на современном этапе, что в первую очередь обусловлено длительным периодом действий ФРГ в фарватере США в области внешней политики. Кроме того, истеблишмент и значительная часть экспертного сообщества Германии, будучи приверженцами постмодернистской парадигмы, относятся к соседям с пози-

²Таким образом, здесь и далее перед читателем предстаёт картина западнцентричного миропорядка, где России скорее отводится роль объекта, а не субъекта. – *Прим. авт.*

ций стремления к компромиссам и взаимному пониманию, Россия же, по мнению Дж. Лафа, – стремится к доминированию. *Вторая* – для германских внешнеполитических аналитиков (численность которых весьма ограничена – несколько сотен человек) на современном этапе ключевыми приоритетами являлись отношения с администрацией Д. Трампа и урегулирование проблем внутри ЕС. Как ни парадоксально, риски безопасности для Евро-Атлантического сообщества стали исходить изнутри – не действия Германии (как это было в первой половине XX века), но «фактор Трампа» и Брекзит, то есть происходящее в англо-саксонских державах, стали «стратегическими шоками» для Запада [См.: Lough, 2018, р. 6-7]. *Третья* причина, во многом как результат второй, – наблюдается недостаток аналитических исследований не только по РФ, но и в целом по государствам постсоветского пространства. *Четвёртая* причина состоит в чрезмерной эмоциональности и политизированности обсуждения российской тематики, а также влиянию на него лоббирования крупными компаниями своих экономических интересов. Наконец, *пятая* – обилие клише в речах политиков и репортажах журналистов, также мешающих глубокому осмыслению роли России на мировой арене [Lough, 2018, р. 6-7]. Всё это, вновь резюмировал Дж. Лаф, вело к снижению готовности реально осознать характер конфликта с РФ и противостоять ей со стороны Германии.

В период пребывания у власти предшествующего правительства «большой коалиции» (2013-2017 гг.) отчётливо проявлялось исторически существовавшее размежевание сторонников и противников учёта интересов России и сближения на всех уровнях – правительственном, межпартийном, гражданского общества и бизнес-структур. Так, крупные предприятия считали необходимым вернуться к формуле «германские технологии и промышленные товары в обмен на российское сырьё», появившейся ещё в XIX веке, и скорее нормализовать отношения с РФ. Напротив, малый и средний бизнес критиковал Кремль за слабость реальной силы правовых норм в РФ и, как

следствие этого, высокие риски, сопровождавшие экономические действия на российском рынке [Lough, 2018, p. 10].

Ситуация несколько изменилась после выборов в Бундестаг в сентябре 2017 г.: позиции блока ХДС/ХСС, традиционно сдержанно относившегося к РФ, ослабли. Напротив, укрепились позиции «Левых», крайне правой «Альтернативы для Германии» (АдГ), которые, как и часть депутатов серьёзно сократившей своё присутствие в Бундестаге СДПГ, выступали за отмену анти-российских санкций и в целом отход от состояния конфронтации в отношениях с РФ [Lough, 2018, p. 10-11]. Эта позиция во многом базировалась на геополитических и политико-ценностных предпосылках. Среди них следует отметить подчёркивание роли Германии как «ядра» Центральной Европы и, следовательно, предпочтение активной внешней политике в восточном направлении с одновременным частичным отходом от западных партнёров во главе с США. Эти меры рассматривались представленными оппозиционными силами как шаги на пути утверждения ФРГ как сильной и самостоятельной державы. Достижение этих целей виделось возможным лишь посредством налаживания и углубления многовекторного сотрудничества Германии с Россией. Аргументом в пользу этого выступал опыт «Восточной политики» правительств В. Брандта и Г. Шмидта в конце 1960-х – 1970-е гг., которая, по мнению представителей СДПГ и СвДП, в том числе главы МИД ФРГ в 1974-1992 гг. Г.-Д. Геншера, создала предпосылки для объединения Германии. Значим был и опыт «новой Восточной политики» Г. Коля (с 1986-1987 гг.): используя глубокие трудности в СССР (в первую очередь, экономико-финансового характера), ФРГ встала в авангарде процесса сближения с ним, добившись (при активной и в основном латентной поддержке США) стремительного решения «германского вопроса» в благожелательном для себя ключе [См.: Lough, 2018, p. 12]. К этому добавляется историческая память немецкого народа о ведущей роли СССР в деле слома мощнейшей «военной машины» Третьего Рейха в 1941-1945 гг. и огромных военно-политических возможностях Советского Союза и современной России, указывал Дж. Лаф.

Кремль придерживался в отношении ФРГ линии, сложившейся при «раннем Путине»: Германия как стратегически ценный партнёр в экономической сфере при условии затенения в политическом дискурсе острых политических тем. В этой ситуации подход А. Меркель, состоявший в расположении политически ФРГ позади властей Украины для оказания им разносторонней поддержки и параллельном оказании санкционного давления на РФ, представлялся Дж. Лафу в реалиях 2014-2015 гг. идеальным [Lough, 2018, p. 13].

Дж. Лаф отстаивает точку зрения о том, что Германии необходимо скорее переосмыслить 20-летний отрезок³ своей внешней политики в отношении России, перейдя от необоснованного оптимизма к вынужденному реализму. В частности, аналитик отмечает, что углубление экономических контактов с РФ и повышение статусности политического диалога не вели к ожидаемым на Западе глубинным изменениям в системе власти в России. Германия учитывала и учитывает стремление Кремля к «особым отношениям» с республиками постсоветского пространства. На заре построения новой демократической России не только представители либералов, но и националистических кругов были уверены, что преобразившаяся страна, «отряхнувшая со своих ног путы СССР» (Дж. Лаф), станет крайне привлекательна для бывших союзных республик. Однако этого не произошло, как констатирует Дж. Лаф: вместо этого Россия пошла по сценарию «Брест-Литовск⁴ 2.0», выведя свои вой-

³Интересно, что здесь Дж. Лаф отсчитывает необходимость ревизии примерно с середины, а отнюдь не начала 1990-х гг. Тем самым аналитик косвенно признаёт правомерность ожиданий ФРГ от России в 1990-1994 гг., когда власти страны во главе с Б.Н. Ельциным последовательно и с опережением сроков осуществляли вывод группировки войск с территории восточных земель объединённой Германии. При этом сопоставимые по значимости стратегические решения со стороны Запада и ФРГ в частности стратегические меры отсутствовали, о чём можно лишь сожалеть. – *Прим. авт.*

⁴Имеется в виду мирный договор в Брест-Литовске от 3 марта 1918 г. между только что возникшей Советской Россией и странами Четвёрного союза во главе с Германией, которые согласно документу занимали Польшу, Прибалтику, малороссийские, белорусские и часто великорусских земель. На них находилось до 30 % населения и до 40 % промышленного потенциала страны по состоянию на 1914 г. Однако уже через полгода мир был аннулирован в результате революции в Германии, что и предсказывал лидер большевиков В.И. Ленин. – *Прим. авт.*

ска из Центральной и Восточной Европы. Аналитик признает также, что Германия сделала недостаточно для объяснения причин расширения НАТО на восток в условиях крушения биполярного миропорядка, тем самым не сняв опасения России.

В ходе Бухарестского саммита НАТО (2008) ФРГ совместно с Францией предотвратили предоставление Украине и Грузии плана действий по членству в НАТО. С точки зрения Дж. Лафа, это решение, возможно, предупредило операцию РФ в отношении Украины: присоединение Крыма было проведено как результат небезосновательных опасений по вхождению страны в НАТО [Lough, 2018, p. 15-16]. Тем более, что отмечал Дж. Лаф, итоговое коммюнике саммита (2008) не было учитывающим интересы РФ: «мы согласны в том, что обе эти страны станут странами-участницами НАТО [Lough, 2018, p. 15]. Эта формулировка, согласно неофициальным правилам, наличествовавшим в Альянсе, означала, что эти государства-члены не войдут в обозримой перспективе в состав блока, чего РФ не смогла или не захотела понять. Однако, как считал Дж. Лаф, «августовская война» стала не исключением, но логичным продолжением тех скрытых противоречий (в том числе связанных с неоднократными «кризисами ожиданий»), которые накапливались в отношениях РФ и ФРГ с начала 1990-х гг. [Lough, 2018, p. 16-18].

Ретроспективный анализ взаимоотношений РФ и ФРГ

В своей работе Дж. Лаф даёт периодизацию отношений ФРГ и России и характеристику каждого из выделенных им этапов. В октябре 1990 г., на пике успехов в деле объединения Германии, канцлер Г. Коль заявил, что лейтмотивом развития Европы должны стать интеграционные процессы. Обращаясь к советской стороне, он подчеркнул, что феномен «холодной войны» был во многом вызван тем фактом, что обе стороны (в том числе на Западе) забыли о глубоких историко-культурных связях России и Европы [Lough, 2018, p. 18]. Процесс образования «новой ФРГ» происходил на фоне распада СССР – Дж. Лаф показывает, сколь стремительно сокращалась ресурсная база СССР

и особенно его руководителя М.С. Горбачева. В этой связи западный аналитик справедливо отмечает, что Г. Коль стремился перефокусировать внимание на президента России Б.Н. Ельцина, рассматривая его как гаранта выполнения договорённостей 1990 г. по выводу российских (советских) войск с территории ФРГ и одновременно демократического развития России. К 1997 г. российско-германские отношения, по мнению Г. Коля, находились на небывалом уровне. Свидетельством тесного сотрудничества стало приглашение РФ в группу G7 при ведущей поддержке ФРГ, а также заключение основополагающего акта Россия – НАТО [Lough, 2018, p. 19].

Однако, как показала практика, двусторонняя кооперация обладала небольшим запасом прочности. Приход к власти правительства Г. Шрёдера/Й. Фишера (СДПГ и Союз 90/«Зелёные») символизировал глубокую переменную в отношениях. Как отмечал Дж. Лаф, в коалиционном договоре даже не упоминалась Россия. Г. Шрёдер посетил Россию в конце 1998 г., в ситуации, когда после дефолта (1998) экономика страны начала лишь подниматься из состояния нокаута на фоне уменьшения участия Б.Н. Ельцина в управлении страной из-за болезней. В отличие от Г. Коля, Г. Шрёдер отказался предоставлять сколь-нибудь значимую финансовую помощь РФ. Экономический диссонанс накладывался на глубокие расхождения по вопросу о применении НАТО военной силы как средства давления на официальный Белград в ходе косовского военно-политического кризиса (1998-1999 гг.).

Новый импульс двусторонним отношениям придал приход к власти В.В. Путина, который рассматривался Г. Шрёдером, как и большинством тогдашних западных лидеров, в качестве модернизатора России. Символом этого являлась речь В.В. Путина в Бундестаге в сентябре 2001 г., когда он показал, что рассматривает Россию как часть Европы и выступил в поддержку углубления интеграционных процессов на континенте. Важной вехой российско-германского сотрудничества следует признать кооперацию сторон по недопущению вторжения США в Ирак (2003). С этого времени, как отмечал Дж. Лаф, Г. Шрёдер превратился из русофоба в русофила. Эта позиция лишь

усилилась после его ухода с поста канцлера и занятия одного из руководящих постов в «Роснефти»: так, Г. Шрёдер являлся последовательным сторонником реализации проекта «Северный поток-2» [Lough, 2018, p. 20].

Политическое сближение в начале 2000-х гг. находилось в тесной корреляции с ростом торгового оборота двух стран: так, импорт товаров из России (в основном угля и нефти) в ФРГ вырос с 8,4 до 14,2 млрд. евро, а импорт (преимущественно машины, машинное оборудование и продукты химической промышленности) – с 5,1 до 12,1 млрд. евро в 1999-2003 гг. [Lough, 2018, p. 21]. В это время Г. Шрёдер превратился в защитника В.В. Путина перед западным истеблишментом, не уделяя должного внимания ограничению возможностей СМИ, «делу Ходорковского» и национализации части предприятий, особенно в нефтегазовом секторе. Г. Шрёдер повторял тезисы президента России о необходимости укрепления института государства в интересах граждан и гражданского общества. Эта позиция оставалась неизменной и после того, как стало очевидным неготовность В.В. Путина идти по пути интеграции с ЕС и НАТО, что мешало, с точки зрения аналитика, выстраиванию совместного антироссийского фронта, когда это требовалось [Lough, 2018, p. 22]. Более того, в ходе «Оранжевой революции» (2004) Г. Шрёдер и Й. Фишер заявили о фальсификации выборов, поддержав в данном случае позицию РФ. Таким образом, резюмирует Дж. Лаф, при «зрелом Шрёдере» отношения России и Германии характеризовались формулой «циничной» реальной политики, а неготовностью к отстаиванию западных либеральных ценностей [Lough, 2018, p. 22-23]. Пренебрежение Г. Шрёдера к вопросам соблюдения прав человека и свобод в России в пользу фокусирования на экономических интересах вызывало, как считает западный аналитик, растущее недовольство в ФРГ.

После победы блока ХДС/ХСС на парламентских выборах 2005 г. новая канцлер А. Меркель продемонстрировала стремление дистанцироваться от схемы внешней политики Г. Шрёдера, пошедшего на чрезмерное, по мнению Дж. Лафа, сближение с РФ (и КНР) в ущерб трансатлантическим отноше-

ям. Де-факто это означало переход от сотрудничества к партнёрству, основанному на интересе Германии к участию в модернизации России, в том числе посредством мониторинга ситуации с соблюдением прав человека и свобод. Новый глава МИД Ф.-В. Штайнмайер видел основным треком взаимодействия с Россией обеспечение её сближения с Европейским союзом. Соответственно, в период председательства ФРГ в ЕС (2007) Ф.-В. Штайнмайер стремился проявить интерес РФ к сотрудничеству с объединением, в первую очередь, в таких вопросах как создание зоны свободной торговли и координация усилий по миротворчеству и поддержанию мира, особенно в Африке и на Ближнем Востоке. Факт получения «Газпромом» контрольного пакета акций от компании «Шелл» («Shell») в проекте «Сахалин-2» показал, что российские власти не готовы всегда использовать административные рычаги для отстаивания прав крупных западных компаний. Это насторожило официальный Берлин, но не привело к какой-либо его закономерной реакции, особенно на политическом треке [Lough, 2018, p. 24-25].

В мае 2008 г. Ф.-В. Штайнмайер запустил программу «Партнёрство ради модернизации» с РФ. Всего через 3 месяца, в августе 2008 г. вспыхнула «пятдневная война» на Кавказе, которая воспринимается Дж. Лафом как первый показатель того, что Россия начинает дистанцироваться от Запада. А. Меркель считала, что учитывая исторические традиции, Россия всё же вновь обратится к своим европейским партнёрам; учёт исторической детерминированности, как считает Дж. Лаф, действительно произошёл, но совершенно в ином направлении: стремлении к реваншу [Lough, 2018, p. 26].

В реалиях 2008-2009 гг. Германия, по мнению аналитика, не заняла позицию нужной степени жёсткости в отношении РФ. При этом уже в этот период ФРГ стала ощущать вероятность вспышек организованного насилия в государствах, расположенных между РФ и ЕС, расширившимся за счёт стран Восточной Европы и Балтии в 2004-2007 гг. [Lough, 2018, p. 26-27]. Так, в 2009 г. Германия открыла консульство в Донецке, чтобы, по мнению

Дж. Лафа, лучше разбираться в ситуации в регионах Украины, сопредельных с РФ.

Несмотря на опыт «пятидневной войны» и сохранение колоссального влияния в системе власти в РФ В.В. Путина даже после его временного ухода с поста президента (2008), Запад, как указывает Дж. Лаф, решил искать путей сближения с новым главой страны Д.А. Медведевым. «Перезагрузка» отношений РФ и США имела благоприятные последствия и для диалога России с Европейским союзом. Согласно коалиционному договору «чёрно-жёлтого» правительства (2009), планировались кооперация с РФ по сдерживанию вызовов безопасности на Ближнем Востоке и в Афганистане. На этом фоне «дело Магницкого», которое произошло всего через 3-и недели после прихода к власти кабинета А. Меркель/Г. Вестервелле, стало своеобразным катализатором готовности ФРГ продвигать демократические принципы на территории РФ, приведя к охлаждению отношений сторон.

В реальности с конца 2000-х гг. стала наблюдаться стагнация в отношениях институтов Евро-Атлантического сообщества (ЕС, НАТО) с Россией. В частности, это обуславливалось обеспокоенностью РФ принятием и реализацией Европейским сообществом «Третьего энергетического пакета» и диверсификацией ЕС своих государств-поставщиков газа. На этом фоне положительную динамику демонстрировали двусторонние экономические отношения: в ноябре 2011 г. был запущен трубопровод «Северный поток». С целью частичного снижения критики со стороны партнёров по ЕС и НАТО (особенно Польши) А. Меркель попыталась деполитизировать данную экономическую меру, обозначив её как исключительно «коммерческий проект» [Lough, 2018, p. 28]. В 2001-2011 гг. экспорт из России в ФРГ вырос с 14,6 до 40,2 млрд. евро (в первую очередь, за счёт повышения цен на углеводороды). Однако в целом объём торгового оборота был небольшим: 74 млрд. евро в 2011 г. против 66 млрд. евро у Германии с Чехией, которая не являлась ключевым поставщиком энергоресурсов для ФРГ, что подчёркивает Дж. Лаф [Lough, 2018, p. 30].

Вопреки отсутствию структурных реформ в российской экономике и фактам несоблюдения прав человека в России, а также противодействию акциям оппозиции, недовольной итогами выборов в Государственную думу (2011), Германия продолжала курс на развитие партнёрских отношений с Россией. Он остался без серьёзных корректировок после переизбрания В.В.Путина президентом России (2012), после чего разрыв между РФ и государствами ЕС стал увеличиваться. Руководство РФ сфокусировалось не на продвижении западных демократических ценностей, но укреплении государства и обращении к консервативным настроениям [Lough, 2018, p. 29]. Это вело к нарастанию критики правительства ФРГ со стороны Бундестага (в частности, «Зелёных»), гражданского общества за неготовность отстаивать права человека в России [Lough, 2018, p. 31].

Ещё более негативное влияние на восприятие России со стороны германской общественности оказали действия РФ на постсоветском пространстве. Дж. Лаф обвиняет Россию во влиянии на В.Ф. Януковича при его отказе от подписания соглашения об ассоциации с ЕС на саммите «Восточного партнёрства» в Вильнюсе (ноябрь 2013 г.), а также и на Армению, которая предпочла сближению с ЕС вступление в Таможенный союз [Lough, 2018, p. 31].

Вхождение Крыма в состав России вызвало «разочарование, недоверие и страх в Берлине» [Lough, 2018, p. 33]. Дж. Лаф считал допустимым искать аналогии между воссоединением Крыма с Россией и занятием Судетской области Третьим рейхом в 1938 г. при поддержке этнических немцев⁵. Кроме

⁵Сравнения Дж. Лафа не могут быть признаны корректными. Во-первых, Крым исторически входил в состав России с 1783 г., когда приложила колоссальные усилия для превращения п-ова из очага набегов на Русь и Европу (в том числе владения Габсбургов) в процветающий регион, населенный оседлым населением. Лишь в 1954 г. волюнтаристским решением Н.С. Хрущева Крымская республика была передана в состав УССР, что, как тогда казалось, не имело большого значения в условиях единого СССР. Судеты входили в состав Австро-Венгерской (Австрийской, Священной Римской германской нации) империи, на протяжении многих веков соперничала с Пруссией. Соответственно, Пруссия не прикладывала каких-либо усилий для развития Судет. Кроме того, именно западные державы не просто попустительствовали, но поддержали А. Гитлера в его стремлении присоединить к Третьему рейху территории, ему никогда не принадлежавшие. – *Прим. авт.*

того, по мнению западного аналитика, Россия нарушила принципы Заключительного акта СБСЕ в Хельсинки (1975), воспользовавшись слабостью Украины. Развивая далее свою мысль, Дж. Лаф указывает: для Германии как страны, преодолевшей своё тоталитарное прошлое и рассматривающей интеграционные процессы, в том числе сближение с соседями, были непонятны действия РФ, чья внешняя политика строилась на принципах «реалполитик» (Realpolitik) [Lough, 2018, p. 33].

По мнению А. Меркель, действия России были разворотом от тех усилий по её включению в глобализирующийся мир, которые прикладывала как сама РФ, так и ФРГ. Так, в своих выступлениях перед Бундестагом канцлер обратила внимание на вклад Германии в рассматриваемый процесс. Он состоял в запуске Петербургского диалога и Российско-германского форума по сырью, содействие заключению более чем 20 соглашений между ФРГ и РФ, вхождению России в состав G8, G20, Совета государств Балтийского моря и учреждению Совета Россия-НАТО [Lough, 2018, p. 34]. Кроме того, Дж. Лаф, со ссылкой на источники в Ведомстве федерального канцлера, указывает, что В.В. Путин якобы дезинформировал А. Меркель о целях России в отношении Крыма, чем серьёзно ослабил уровень доверия на высшем уровне [Lough, 2018, p. 34].

Отношения РФ и ФРГ:

от современного к перспективному состоянию

Положение, при котором ФРГ как крупнейшее государство ЕС, противилось оказанию давления на Россию, было крайне выгодно ей. Однако своим поведением с 2014 г. РФ, по мнению Дж. Лафа, заставила Германию чётко узреть «российскую угрозу» и начать введение санкций. Истеблишмент ФРГ подчеркивал, что российская сторона рассуждает в системе политических терминов XIX – XX вв. (с фокусом на возможность проецирования силы и обеспечения выгодного геополитического положения), что крайне опасно не только в случае с Украиной, но и в принципе [Lough, 2018, p. 35-36]. Власти

ФРГ, напротив, как подчёркивает Дж. Лаф, сохранили приверженность пост-модернистским принципам в политике, что стало ключевой линией размежевания между Россией и Германией.

В 2014-2017 гг. – до очередных выборов в Бундестаг – позиция А. Меркель в отношении РФ была двусоставной. С одной стороны, официальный Берлин поддерживал постепенное расширение санкций в отношении России (на фоне разрастания вооружённого конфликта на востоке Украины) и усиление оборонного потенциала НАТО. С другой, – не закрывались двери для продолжения переговоров⁶, особенно по урегулированию конфликта на востоке Украины. Тем самым Германия стала брать на себя ответственность за разрешение самой острой кризисной ситуации, сложившейся в Европе после окончания Второй мировой войны [Lough, 2018, p. 37]. Вместе, вновь подчёркивает Дж. Лаф, германские власти и персонально А. Меркель оказались в сложном положении: в Германии были распространены настроения в поддержку нормализации отношений с РФ, как это уже было между ФРГ и СССР в рамках реализации «Восточной политики» В. Брандта в конце 1960-х – 1970-е гг. [Lough, 2018, p. 38]. К числу апологетов этого курса – явных и латентных – относились не только упомянутые выше Г. Шрёдер и представители бизнес-кругов, но даже действующие политики. Так, в июне 2016 г. глава МИД ФРГ Ф.-В. Штайнмайер осудил активную военно-тренировочную деятельность в непосредственной близости от границ РФ. В СДПГ рассматривали возможность возвращения к «Восточной политике» как весомую

⁶С этим положением Дж. Лафа сложно согласиться. В рамках озвученной в речи А. Меркель перед Бундестагом 13 марта 2014 г. стратегии в отношении РФ, Германия в ответ на действия РФ по поддержке русскоязычного населения в Украине поддержала закрытие всех много- и двусторонних переговорных площадок с Россией. «Нормандский формат», созданный по инициативе ФРГ в июне 2014 г., был площадкой для демонстративно вынужденного взаимодействия с РФ с целью её склонения её к принятию подхода Запада по «украинскому вопросу». В ответ на неудачи в этом неоднократно работа «Нормандского формата» прекращалась: так, РФ без формального участия ФРГ и Франции сыграла ключевую роль в подписании соглашения «Минсе-1». Признаки очень медленного восстановления переговорных форматов стали проявляться лишь после «Минска-2» (2015). Так, в 2017-2018 гг. де-факто возник механизм *ad hoc* «Сочинский формат» встреч на высшем уровне. – *Прим. авт.*

«козырную карту» в развёртывавшейся предвыборной гонке [Lough, 2018, p. 38-39].

Однако и сторонники А. Меркель в вопросе ужесточения курса в отношении РФ опирались на весомые, по мнению Дж. Лафа, аргументы. В частности, западный аналитик указывает на якобы осуществленные РФ кибератаки на Бундестаг, а также создание при поддержке российских спецслужб 60 спортивных школ на территории ФРГ, которые являются «спящими структурами» для влияния на Германию изнутри с целью обеспечения её сближения с РФ [Lough, 2018, p. 39].

Но, как вынужден признать Дж. Лаф, блок ХДС/ХСС серьёзно сократил своё присутствие в Бундестаге. На этом фоне курс ФРГ в отношении РФ, выступающей для ФРГ как вызов, должен быть переосмыслен. Официальный Берлин должен изыскивать средства влияния на Россию, которые бы вернули её на «путь реформ как главное условие обеспечение её национальной безопасности» [Lough, 2018, p. 41]. Обращение РФ к Западу как источнику помощи в модернизации во всех отношениях, для России Дж. Лаф считает безальтернативным [Lough, 2018, p. 42]. К этому Россию будет подталкивать широкий круг нарастающих внутренних проблем, в том числе экономических и демографических [Lough, 2018, p. 43].

Успех реформ в Украине, проводимых при активном участии ФРГ (финансовом и техническом), может иметь, по мнению Дж. Лафа, значимые последствия для РФ: они могут стать ориентиром⁷ её будущего развития, учитывая культурную близость России и Украины. При этом, признаёт Дж. Лаф, в Германии сильны позиции тех, кто продолжает рассматривать Украину как часть цивилизационного пространства РФ, а отнюдь не отдельного актора. Их позиции базируются в том числе и на исторической памяти, когда Третий рейх, опираясь на националистов, поработал население УССР в 1941–

⁷Отличительной чертой развития реформируемой политической и экономической систем Украины является их нестабильность. Думается, что Россия уже получила богатый опыт аналогичного «реформирования» в 1990-е гг., которое обернулось колоссальными потерями всех видов ресурсов, в том числе наиболее ценных демографических. – *Прим. авт.*

1944 гг. На активизацию в памяти этих аналогий, по мнению Дж. Лафа, направлено фокусирование внимания РФ на росте национализма в Украине и углублении сотрудничества с ней на этом фоне со стороны ФРГ [Lough, 2018, p. 41-42].

Очевидно, приходит к выводу Дж. Лаф, что одной из сторон надо поменять кардинально направленность своей политики для продолжения сближения. Как следовало ожидать, подобного разворота аналитик ожидает от России. Он многократно повторяет свою мысль о возможностях Германии по оказанию влияния на РФ в нужном направлении, используя следующие меры:

- признать, что действия и устремления России по изменению сложившегося миропорядка представляют опасность для Германии, при этом Украина стала чётким водоразделом позиций сторон;
- освободиться от духа «Восточной политики» времён «холодной войны» и в целом широкого комплекса рефлексий «исторической вины» в отношении РФ, которые мешают «беспристрастному её восприятию»⁸;
- отказаться от традиционной концепции развития экономических отношений Германии и России (технологии и промышленные товары в обмен на сырьё). Это, по мнению Дж. Лафа, повысит заинтересованность РФ в Западе как источнике модернизации экономики;
- проявлять повышенное внимание к озабоченностям восточных соседей ФРГ такими масштабными экономическими проектами как «Северный поток-2», принимая во внимание не только финансовые, но и политические последствия их реализации;

⁸Следуя данной логике и избегая на деле двойных стандартов, Дж. Лафу уместно начать действия с выдвижения тезиса о воссоздании российского военного присутствия на востоке ФРГ (новой Западной группы войск). Решение о её выводе, принятое М.С. Горбачевым, следует признать эмоциональным решением и «опережающей уступкой», а потому требующей пересмотра. Реализация этого предложения позволит действительно двигаться к равноправному состоянию отношений и беспристрастному восприятию друг друга. – *Прим. авт.*

- провести ревизию германской политики в отношении РФ и её соседей в 1990-е гг. с целью извлечения из этого уроков во избежание ошибок в восприятии РФ, проявившихся к 2014 г.;
- продемонстрировать уверенность в том, что действия Германии в 2014-2015 гг. способствовали повышению степени солидарности внутри НАТО и ЕС⁹ и стали серьёзным препятствием на пути наращивания военной мощи РФ;
- влияние на общественное сознание с целью демонстрации истинных целей России и внешнеполитических инструментов, используемых её для их достижения¹⁰;
- использование Германией своего инструментария «мягкой силы» (в том числе технической помощи в проведении реформ) для оказания влияния на РФ;
- напоминание о том, что в тех случаях, когда Германия и её партнёры оказывали скоординированное давление на Москву, то результаты этого оказывались успешными. В качестве примеров Дж. Лаф приводит кризисы вокруг Берлина 1948 и 1961 гг., выдвижение СССР инициативы по созданию единой и нейтральной Германии (1952), ноту Советского Союза по Берлину 1958 г. и

⁹Значительная часть положительного эффекта, достигнуто в результате сонаправленности действий стран-участниц и институтов НАТО и ЕС по сдерживанию «российской угрозы» была аннулирована в условиях глубокого кризиса трансатлантической солидарности, произошедшего после избрания на пост президента США Д. Трампа. Этот факт по непонятным для автора причинам Дж. Лаф проигнорировал в своей работе. – *Прим. авт.*

¹⁰Логичным шагом в этой связи стало бы проведение публичных дискуссий с представителями РФ по проблемам в отношениях Запада и России с освещением их в западных СМИ. – *Прим. авт.*

«кризис евrorакет» в его измерении на отрезке 1979-1983 гг.^{11,12}[Lough, 2018, p. 44-45].

Завершая представление своего сценария перспективной политики ФРГ в отношении РФ, Дж. Лаф подчёркивает мысль о важности для Германии Североатлантического альянса и участия в наращивании его возможностей [Lough, 2018, p. 46-47].

Список литературы

Выступление в Бундестаге ФРГ // Президент РФ [сайт]. – 2001. – 25.09. – Режим доступа: <http://kremlin.ru/events/president/transcripts/21340> (Дата обращения – 15.05.2018).

Lough J. Germany`s Russia Challenge (Fellowship monograph). – Naples: Research Division NATO Defense College, 2018. – 47 p.

¹¹Результатом ориентирования на западных партнёров стало упущение возможности достичь объединения Германии ещё в 1950-е гг., тем самым избежав тех огромных экономических и социокультурных трудностей, с которыми столкнулось слияние воедино «осси» и «весси» после 1990 г. – *Прим. авт.*

¹²Показательно, что в пакете предложений Дж. Лафа ни слова не сказано об имплементации «Минска-2». Реализация данных идей может отбросить российско-германские отношения на несколько веков (!) назад в их развитии. Предложение же Дж. Лафа убрать фактор исторической памяти как краеугольный камень восприятия РФ и ФРГ друг другом ведёт к разрушительным последствиям для всего мира, в том числе на практике обеляя нацистский режим, уничтоживший 27 млн. жителей СССР. – *Прим. авт.*